

Коновалова Оксана Александровна

ДЕСТРУКТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ИРОНИИ В КУЛЬТУРЕ ПОСТМОДЕРНА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2010/12/7.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2010. № 12 (43). С. 25-26. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2010/12/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

УДК 130.2

*Оксана Александровна Коновалова**Кузбасский государственный технический университет*ДЕСТРУКТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ИРОНИИ В КУЛЬТУРЕ ПОСТМОДЕРНА[©]

Постмодерн, как относительно новый исторический этап в развитии западной и мировой культуры, породил не только новые культурные феномены и социальные процессы, но и новый тип коллективного восприятия, мироощущения и мировидения, характеризующийся как «иронический». Претерпев значительную трансформацию в ходе своей эволюции, ирония стала не только атрибутом и сущностной характеристикой постмодернистской культуры, но и явилась общей моделью, в соответствии с которой происходит формирование и конструирование (моделирование) самых разных культурных феноменов и сфер постмодернистской действительности и самой этой действительности в целом. Это позволяет говорить о возникновении моделирующей, или конструирующей, функции, не характерной для иронии в предшествующие исторические периоды. Вместе с тем, определенное развитие получила и функция деструктивная, связанная со стремлением иронии к разрушению устоявшихся традиционных моделей, ценностей, иерархий и значений в рамках постмодернистской культуры. Данная функция связана с классическим пониманием иронии как негативной, отрицательной диалектики.

Деструктивная функция иронии базируется на понимании обозначенного феномена как момента объективного отрицания, неизбежным следствием которого является утверждение и созидание нового. В частности, создание нового дискурса, новой эпистемы, новых метанарративов невозможно без диалектического отрицания всего того, что им предшествовало. Иными словами, разрушение устоявшихся форм представляет собой не столько самоцель, сколько следствие творческой, позитивной деятельности. Вместе с тем, специфика иронии как негативной диалектики проявляется и в том, что не только отрицание, разрушение служит утверждению и созиданию, но и наоборот: утверждение оказывается средством отрицания. Обращаясь к формуле Гегеля, можно сказать, что ирония является проявлением момента такого развития, в процессе которого допускается истинность того, что принимается за истинное с целью выявления его внутреннего разрушения. Так, утверждение постмодерна о том, что наступила эпоха Конца Метаповествований, является косвенным отрицанием самой этой идеи. Изменения в структуре «означающее-означающее» признает все нарастающую эмансипацию знака от референта, но вместе с тем, выявляет и внутреннее разрушение новых знаковых отношений. Таким образом, ироническое разрушение существовавшей ранее семиотической системы ведет не к уничтожению ее как таковой, но к созданию нового знакового пространства, следствием чего может явиться отрицание собственно идеи, принимаемой постмодерном в качестве истинной.

Ирония, понимаемая как отрицательная диалектика, подчеркивает момент не только внутреннего разрушения, но и момент изменчивости, определяет перспективу дальнейшего развития. Не случайно категория иронии приобретает особое значение в эпохи, носящие переходный характер, находящиеся на стадии формирования и становления. Кьеркегор неоднократно подчеркивал, что ирония служит одним из признаков исторической переменности. Ирония как негативная диалектика проявляет себя в ходе исторического развития в том смысле, что утверждает новый исторический момент, фиксируя в нем же и зародыш гибели. Здесь особенно отчетливо проявляется связь деструктивной функции иронии с конструирующей функцией. Ирония, отрицая, не только утверждает новое, но и создает, конструирует его. Этот аспект иронии приобретает особую актуальность в эпоху, когда перед культурой в качестве приоритетной стоит задача не исследования и постижения реальности, а создания новой - симулятивной гиперреальности (в соответствии с иронической моделью и посредством иронии).

Сосуществование и, более того, гармоничное взаимопроникновение моделирующей (конструирующей) и деструктивной функций иронии в культуре постмодерна обуславливается в некоторой степени амбивалентностью самой иронии. Не случайно, на протяжении всей истории существования иронии оценки данного феномена отличались полярностью. С одной стороны, ирония трактовалась как «бесконечная абсолютная отрицательность», некая самоцель, не дающая ничего взамен, кроме себя самой и отрицания всего реально сущего, разрушающая онтологические основы конкретно-исторического бытия. Такая ирония не способна к созиданию. Она лишь уничтожает реальность, разрушает те узы, которыми человек связан с миром. Оторвавшись от реальности, оказавшись в зыбком, разрушающемся мире, человек погружается в сферу иронии, где исключается само понятие морали и где человек никогда не сможет обрести подлинную духовность. В свое время, Александр Блок писал о болезни иронии, «страшной заразе» индивидуализма. Эта ирония - сродни душевным недугам, она разъедает личность изнутри, уничтожает человека. Проявления этой болезни, угрожающей каждому, - «приступы изнурительного смеха, который начинается с дьявольски-издевательской, провокаторской улыбки, кончается - буйством и кошунством» [1, с. 116].

С другой стороны, можно говорить о том, что ирония, разрушая, на основе переосмысления и оценки разрушаемой реальности, создает условия для созидания новой действительности, в которой нравственный аспект жизни наполняется новым содержанием. Новая реальность становится той сферой социального бытия, в которой происходит саморегуляция нравственности, духовных основ человека. Можно вспомнить мысль Кьеркегора о том, что нет подлинно человеческой жизни без иронии.

Вместе с тем, амбивалентность иронии еще не определяет приоритета положительного либо же отрицательного ее содержания. В данном контексте особое значение приобретает вопрос о качестве или мере иронии. Так, Кьеркегор противопоставлял романтической иронии подлинную иронию как иронию, имеющую своей целью реализацию моральной жизни, определение нравственных оснований человеческой личности. Он также выделял, с одной стороны, несдержанную, разрушительную иронию и, с другой, иронию, которая характеризуется им как сдержанная, обузданная в своей дикой, разрушительной бесконечности. Истинная, сдерживаемая ирония, по его мнению, необходима, ибо она производит движение, обратное тому, которое совершает ничем не сдерживаемая. Ирония устанавливает предел, делает конечным, ограничивает и сообщает тем самым истинность, действительность, содержание.

Ж. Лакруа подчеркивает значение меры иронии в обществе. По его мнению, в целом ирония является свидетельством верховенства духа и первым шагом к духовной жизни. «Ирония есть признак духовности, однако если иронии подвергается все и вся, это свидетельствует о кризисе духовной жизни» [6, с. 125]. Выход из создавшегося положения заключается в идее сдерживания иронии, идее овладения ею, в том, что над иронией необходимо одержать победу, «через иронию надо пройти, но ее также надо преодолеть» [Там же, с. 124].

В эпоху постмодерна среди многочисленных функций иронии (коммуникативной, терапевтической, гуманистической, гностической, критической и др.) конструирующая и деструктивная функции заняли особое место. Благодаря деструктивной функции ирония не только фиксирует момент исторических изменений, но и становится механизмом, посредством которого происходит разрушение прежних культурных форм для конструирования новых. Конструирующая (моделирующая) функция позволяет определять и конструировать новую, симулятивную, реальность, гипер-реальность постмодернистского социокультурного пространства.

Специфика постмодернистской иронии заключается в том, что все присущие ей функции претерпели значительные изменения, главным образом, в направлении расширения самого поля функционирования. В эпоху постмодерна место конкретного индивида (выступавшего ранее в качестве субъекта иронии) заняла культура. Подобные изменения в сфере функционирования иронии, общий вектор развития которых - от индивидуального к универсальному, наблюдаются практически во всех областях пост-современной культуры, что позволяет рассматривать иронию в качестве фундаментальной составляющей культуры эпохи постмодерна, ее мировоззренческого основания.

Список литературы

1. Блок А. А. Ирония // Блок А. А. Искусство и революция. М.: Современник, 1979. С. 116-120.
2. Вайнрих Х. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия: переводы / сост. В. М. Сергеева и П. Б. Паршина; общ. ред. В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1987. С. 44-87.
3. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.
4. Кьеркегор С. Или-или. М.: Арктогея, 1993. 378 с.
5. Лакруа Ж. Смысл диалога // Культурология: дайджест. М.: РАН; ИНИОН, 2002. № 1 (20). С. 123-128.

УДК 228

Катерина Георгиевна Кудрявцева

Центр изучения религий, Российский государственный гуманитарный университет

«ИУДЕЙСКАЯ МАТРИЦА» ОБРАЗА «ПОДОБНОГО СЫНУ ЧЕЛОВЕЧЕСКОМУ» В ОТКРОВЕНИИ ИОАННА БОГОСЛОВА[©]

Образ Подобного Сыну Человеческому появляется в Откровении Иоанна Богослова несколько раз: в 1-й главе («...увидел семь золотых светильников 13 И, среди семи светильников, подобного Сыну Человеческому (*ὁμοιον υἱὸν ἄνθρώπου*), облеченному в падир и по персям опоясанного золотым поясом: 14 глава его и волосы белые, как белая волна, как снег; и очи Его, как пламень огненный; 15 и ноги Его подобны халколивану, как раскаленный в печи, и голос Его, как шум вод многих... 16 ...и лицо Его, как солнце, сияющее в силе своей» (Откр. 1:12-15)) и в 14-й главе («И взглянул я, и вот светлое облако, и на облаке сидит подобный Сыну Человеческому; на голове Его золотой венец, и в руке Его острый серп. 15 И вышел другой ангел из храма и воскликнул громким голосом к сидящему на облаке: Пусти серп твой и пожни, потому что время жатвы, ибо жатва на земле созрела» (Откр. 14: 14-15)), а также, по-видимому, подразумевается в 1:7 («7 Се, грядёт с облаками, и узрит Его всякое око и те, которые пронзили Его; и возрыдают пред Ним все племена земные» (Откр. 1:7)).